

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 340.15

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-39-46>

Эволюция государственно-правовых основ советского аграрного строя в 20-е годы XX века

Л.Г. Берлявский^{1,2}

EDN: WQRXSU

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 berlg@yandex.ru

Аннотация

Введение. История советского государственного права вызывает живой интерес современных исследователей. Целый ряд аспектов разработки и реализации новой экономической политики в России представлен в работах историков, экономистов, политологов. При этом исследований правоведов, посвященных 20-м годам XX века, на наш взгляд, явно недостаточно. В статье исследована эволюция государственно-правовых основ советского аграрного строя, которая нашла отражение в Конституции СССР 1924 г., Конституции РСФСР 1925 г., Земельном кодексе РСФСР 1922 г., Общих началах землепользования и землеустройства СССР 1928 г., целом ряде декретов и иных нормативных правовых актов. Актуальность данной темы обусловлена теоретической и практической значимостью правового регулирования аграрной сферы общества, реформирования аграрной политики современной России. Актуальность темы объясняется, с одной стороны, необходимостью изучения переходного состояния советского аграрного законодательства, поскольку, по словам В.И. Ленина, новая экономическая политика (нэп) означала «переход от гражданской войны к гражданскому миру». С другой стороны, от многих принципов нэповского законодательства советское руководство отказалось в конце 20-х годов XX века. Однако они были успешно реанимированы и развиты в КНР в ходе экономической реформы спустя шесть десятилетий. Цель данного исследования — выявить особенности эволюции государственно-правовых основ советского аграрного строя в 20-е годы XX века.

Материалы и методы. Методология исследования представлена общенаучными и специальными юридическими методами, в числе которых историко-правовой и формально-юридический (догматический). В связи с быстро меняющимся в научном сообществе отношением к данным методам приоритет в исследовании отдавался современным источникам. Проанализированы концептуальные утверждения авторов, что в синтезе с собственным эмпирическим опытом позволило сформулировать ряд новых положений.

Результаты исследования. Рассмотрены основные акты, в которых были нормативно закреплены государственно-правовые основы советского аграрного строя в 20-е годы XX века. Значительный массив аграрного законодательства объясняется тем, что советское партийно-государственное руководство в начале 20-х годов приняло решение восстанавливать экономику именно с аграрной сферы — основы народного хозяйства того периода. Показана специфика нэпа не только как изменения экономического курса, но и как комплексной правовой политики, представляющей собой сочетание публично-правового и частноправового регулирования при безусловном превалировании публичных начал. Обосновывается, что переход к нэпу означал отмену аграрного законодательства времен «военного коммунизма» и возвращение к принципам крестьянского Наказа 1917 г. — важнейшего элемента Декрета о земле. Установлена глубокая противоречивость аграрного законодательства период нэпа, который никоим образом не следует характеризовать как время отказа от идеи и практики коллективизации сельского хозяйства. Партийно-государственное руководство продолжало рассматривать индивидуальное крестьянское землепользование как малоперспективное с экономической точки зрения и опасное для дела строительства социализма.

Обсуждение и заключение. Выявлены характерные черты и особенности эволюции государственно-правовых основ советского аграрного строя в 20-е годы XX века. В исследуемый период в нормативных правовых актах и

партийно-государственных документах предпочтение по-прежнему отдавалось коллективным хозяйствам с различной степенью обобществления земли и средств производства. Наиболее желательными считались коммуны, а также государственные сельхозпредприятия — советские хозяйства, совхозы — как хозяйства, в наибольшей мере соответствующие социалистическому идеалу. Симпатии властных органов привлекала и сельскохозяйственная кооперация, в качестве высших форм которой понимались колхозы. Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что государственно-правовые основы социалистического аграрного строя были заложены в исследуемый период, когда в советском законодательстве был закреплён курс на коллективизацию и общественное земледелие, были разработаны правила и нормы создания, устройства, деятельности различных форм колхозов, среди которых наиболее близкой идеалам социализма считалась сельскохозяйственная коммуна. В этом плане перспективным представляется дальнейшее изучение процесса разработки примерных уставов коммун, артелей, товариществ по совместной обработке земли.

Ключевые слова: государственно-правовые основы, аграрный строй, декреты советской власти, единоличные хозяйства, товарищества по совместной обработке земли, сельскохозяйственные производительные коммуны

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Берлявский Л.Г. Эволюция государственно-правовых основ советского аграрного строя в 20-е годы XX века. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024;2(1):39–46.

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-39-46>

Research article

Evolution of the State-Legal Foundations of the Soviet Agrarian System in the 20s of the XX Century

Leonid G. Berlyavsky^{1,2}

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russian Federation

 berlg@yandex.ru

Abstract

Introduction. The history of the Soviet state law is of great interest to the modern researchers. A number of aspects of the New Economic Policy development and implementation in Russia are presented in the works of historical, economic and political science scholars. However, in our opinion, the number of research referring to the 20s of the XX century conducted by the legal science scholars is definitely not enough. The article investigates the evolution of the state-legal foundations of the Soviet agrarian system as reflected in the USSR Constitution of 1924, the RSFSR Constitution of 1925, the RSFSR Land Code of 1922, the USSR General Principles of Land Use and Land Management of 1928, and in a number of decrees and other normative legal acts. The relevance of this topic is induced by the theoretical and practical significance of the legal regulation of the agrarian sphere of the society and the reform of the agrarian policy of the modern Russia. On the one hand, the relevance of the topic lies in the need to study the transitional state of the Soviet agrarian legislation, since, according to V.I. Lenin, the New Economic Policy (NEP) implied “transition from the civil war to civil peace”. On the other hand, in the late 20s of the XX century the Soviet leadership had abandoned many of the NEP legislation principles. However, six decades later they were successfully revived and developed in the People's Republic of China during the economic reform. The aim of this study is to reveal the evolution features of the Soviet agrarian system state-legal foundations of the 20s of the XX century.

Materials and Methods. The research methodology comprises the general scientific and specific juridical methods, including the historical-legal and legalistic (dogmatic) methods. Due to the rapidly changing attitude towards these methods in the scientific community, the priority in the research has been given to the modern sources. The authors' concept statements have been analysed, which, in synthesis with the authors' empirical background, made it possible to formulate a number of new provisions.

Results. The main acts that had legally formalized the state-legal foundations of the Soviet agrarian system in the 20s of the XX century were studied. The huge number of the agricultural laws is explained by the decision of the Soviet party and state leadership of the early 20s to start the recovery of economics with the agrarian sector — the backbone of the national economy of that period. The features of the NEP are elucidated not only as the change of the economic policy, but as the integrated legal policy, being a combination of the public and private law regulation upon absolute predominance of the public principles. It has been substantiated that transition to the NEP entailed the abolishment of the agrarian laws of the times of “war communism” and return to the principles of the peasant Mandate of 1917 — the most important element of the Decree on Land. Deep controversy of the agricultural legislation of the NEP period has been

established, which in no way should be defined as a time of abandoning the concept and practice of the collectivization of agriculture. The party and state leadership continued to consider the individual peasant land use as having no economical prospect and dangerous for building socialism.

Discussion and Conclusion. The evolution features and distinctions of the Soviet agrarian system state-legal foundations of the 20s of the XX century have been revealed. In normative legal acts and party-state documents of the studied period, the preference continued to be given to the collective farms with the various degree of land and means of production collectivization. Communes and the state-owned agricultural enterprises, sovkhozs (Soviet farms), were considered the most desirable farms, as the ones most closely corresponding to the socialist ideal. The agricultural cooperation, which highest form were the kolkhozs (collective farms), was also appreciated by the authorities. The theoretical significance of the conducted research lies in the fact that the state-legal foundations of the socialist agrarian system had been set in the studied period, when the policy of collectivization and public agriculture was stipulated in the Soviet legislation, the rules and norms for creation, organization and operation of the various forms of collective farms were developed, wherein the agricultural commune was considered the form closest to the socialist ideals. Taking into account all the above, further investigation of the process of developing the model Charters of communes, artels and partnerships for joint cultivation of land seems a forward-looking objective.

Keywords: state-legal foundations, agrarian system, decrees of Soviet Power, individual farms, partnerships for joint cultivation of land, agricultural manufacturing communes

Acknowledgements. The author expresses his gratitude to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions on their improvement that have significantly improved the quality of the article.

For citation. Berlyavsky LG. Evolution of the State-Legal Foundations of the Soviet Agrarian System in the 20s of the XX Century. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(1):39–46. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-39-46>

Введение. Переход к нэпу в 1921 г. стал серьезной уступкой сельскому населению, свидетельством того, что советское руководство, «победившее и белых, и внешнюю интервенцию, не выдержало силы крестьянского сопротивления и признало российское крестьянство автономным, могущественным и сплоченным социальным классом, пойдя на компромисс с ним» [1, с. 9].

К началу 1920-х гг. советский агитационно-пропагандистский аппарат сосредоточил усилия на донесении до земледельцев идеи о том, что колхоз представляет собой единственно правильную форму организации сельхозпроизводства, но вступление в коллективное хозяйство есть дело добровольное, принуждение здесь недопустимо.

По словам видного советского правоведа М.А. Рейснера, с переходом к нэпу немедленно за переломом в экономике следуют реформы организационного типа — в праве, государстве, управлении. «Начинается сооружение первого в мире государства, где государственный капитализм сочетается с классовым властвованием труда над капиталом» [2, с. 12–13].

Существенное изменение советской аграрной политики было осуществлено на основе программных установок X съезда РКП (б), в соответствии с которыми был принят Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г., цель которого заключалась в укреплении крестьянского хозяйства и поднятии его производительности (п. 1)¹. Натуральный продналог на крестьянское хозяйство был примерно вдвое ниже продрозверстки.

Переход к новой экономической политике означал возрождение рыночных отношений, частной хозяйственной инициативы, договорного регулирования, оживление кооперации. Все это дало стимул развитию не только аграрной сферы, но и иных отраслей народного хозяйства [3].

Разработка нового законодательства происходила в крайне сложных условиях, о чем свидетельствует, в частности, письмо председателя Совнаркома В.И. Ленина председателю ВСНХ П.А. Богданову от 23 декабря 1921 г. В нем резкой критике были подвергнуты бюрократические процедуры, связанные с принятием решения о производстве автоплугов системы Фаулера: «Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это *подделом* повесят... Впредь будем сажать за это профсоюзовскую и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно» [4, с. 86].

Новая экономическая политика внесла большие изменения в строительство колхозов: замена продрозверстки более низким продналогом восстановила материальную заинтересованность крестьян в увеличении затрат труда в своем хозяйстве и возродила у части колхозников стремление к индивидуальному хозяйству. Они стали уходить из колхозов [5].

¹ О замене продовольственной и сырьевой розверстки натуральным налогом. Декрет ВЦИК от 21.03.1921. СУ РСФСР. 1921;26:147.

Отток из колхозов не смогли остановить даже меры, предпринимавшиеся властными органами с целью повысить привлекательность коллективных хозяйств в глазах сельского населения. Так, Декретом 17 ноября 1921 г. было постановлено уравнивать коллективные организационно-правовые формы с единоличными хозяйствами с точки зрения налоговой политики и распоряжения произведенной продукцией [6].

Разумеется, данный декрет был направлен на то, чтобы повысить у коммунаров (колхозников) заинтересованность в результатах своего труда и придать колхозам привлекательность в глазах хлеборобов-единоличников, однако практическая ценность этого нормативного акта оказалась невелика.

В итоге, в 1921–1922 гг. были ликвидированы почти все коммуны и сельскохозяйственные артели [7]. Численность сохранившихся в РСФСР колхозов никак не могла быть названа значительной.

Цель данного исследования — выявить особенности эволюции государственно-правовых основ советского аграрного строя в 20-е годы XX века.

Материалы и методы. Методология исследования представлена общенаучными и специальными юридическими методами, к которым относятся историко-правовой и формально-юридический (догматический). Актуальность изучения историко-правовых источников обусловлена теоретической и практической значимостью темы данной статьи, необходимостью привлечения источников советского периода для ее раскрытия. На протяжении десятилетий советской истории идея множественности историко-правовых источников права отрицалась. Утверждалось, что нормативные акты в социалистическом обществе — единственный или основной носитель, форма бытия юридических норм. Однако постепенно к источникам права стали относить не только нормативные правовые акты, но и партийно-государственные документы, доктринальные источники.

Результаты исследования. Вынужденный отказ большевиков от повсеместной коллективизации, произошедший в начале 1920-х годов XX века, нашел отражение и в сфере законодательства. Аграрное законодательство периода «военного коммунизма» было отменено. Решение сельскохозяйственных проблем строилось по модели крестьянского Наказа 1917 г., который являлся составной частью Декрета о земле [8].

В частности, в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. (далее — ЗК РСФСР) устанавливалось, что землепользование могло осуществляться либо «в составе земельного общества с подчинением установленному обществом порядку землепользования», либо же индивидуально, «без вхождения в состав земельного общества»².

Разработке ЗК РСФСР предшествовало принятие в мае 1922 г. Закона о трудовом землепользовании. В качестве дополнения к этому закону той же сессией ВЦИК был принят Закон о порядке разрешения земельных споров. Необходимость новой нормативной регламентации земельных отношений была настолько неотложной, что проект закона о трудовом землепользовании не успели провести через Совнарком и Президиум ВЦИК, а сразу поставили на обсуждение сессии ВЦИК [9].

В Постановлении ВЦИК о введении в действие Земельного кодекса (п. 8) устанавливалось: «Принимая во внимание, что вопросы землепользования и землеустройства теснейшим образом связаны с условиями и порядком использования лесного фонда, обязать Народный комиссариат земледелия разработать, по соглашению с надлежащими ведомствами, Лесной кодекс, рассматривая его, как продолжение Земельного кодекса» [10, с. 60].

В соответствии с ЗК РСФСР в каждом земельном обществе могли быть установлены те или иные способы землепользования:

- «общинный (с уравнительными переделами земли между дворами);
- участковый (с неизменным размером права двора на землю в виде чересполосных, отрубных или хуторских участков);
- товарищеский (с совместным пользованием землею членами общества, составляющими сельскохозяйственную коммуну, артель или товарищество по общественной обработке земли)».

Содержание норм данного кодекса позволяет уверенно говорить о том, что партийно-государственным руководством было признано и юридически обосновано состояние многоукладности в сельском хозяйстве Советской России.

Оценивая Земельный кодекс РСФСР, специалисты констатируют, что принятые в 1922 г. кодексы законов отражали, с одной стороны, развитие рыночных частнопровых отношений, с другой — позволяли советским органам жестко их контролировать. Земельный кодекс исходил из того, что «земля является государственной собственностью, крестьянин же владеет ею на правах пользователя, при жизни он может передавать это право другим, допускалась аренда, но с ограничениями» [11, с. 35].

В 1922 г. с принятием Земельного кодекса законодательно была осуществлена программа крестьянской революции [12]. В 1922–1923 гг. была осуществлена кодификация законодательства, в итоге которой были приняты семь кодексов [13]. Кодификационная деятельность в начальный период нэпа рассматривалась в

² Земельный кодекс РСФСР 1922 г. СУ РСФСР. 1922:68:901.

непосредственной связи с разработкой государственно-правовых основ аграрного строя на X Всероссийском съезде Советов (декабрь 1922 г.) [14].

В 1924 г. была принята Конституция СССР, а в 1925 г. — Конституция РСФСР. Как отмечают Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин, наблюдается значительная преемственность положений Конституции 1924 г. и Конституции 1918 г. (ст. 20, 51) [15].

В отличие от Конституции РСФСР 1918 г., в которой РСФСР определялась как общество («свободное социалистическое общество всех трудящихся» — ст. 10), статья 2 Конституции РСФСР 1925 г. четко определяла ее как государство. При этом источником власти («носителем верховной власти») устанавливался не народ, а Всероссийский съезд Советов (ст. 3) [16].

Вместе с тем, исключительно классовое понимание прав и свобод человека превалировало в данный период у советских руководителей. Об этом свидетельствует ответ В.И. Ленина одному из лидеров «рабочей оппозиции» Г.И. Мясникову, выступавшему за самостоятельность крестьянства, свободу слова и печати. В письме от 5 августа 1921 г. председатель Совнаркома и лидер партии большевиков указал, что «мы над «чистой демократией» смеемся», призывал «не туманить себе голову «свободой печати», этим «блестящим» болотным огоньком» [17, с. 83].

В ряде нормативных актов (в частности, Декрет ВЦИК «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых законами и защищаемых судами РСФСР»³, Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.⁴) закреплялся комплекс социально-экономических прав, связанных с реализацией новой экономической политики. Однако 20 февраля 1922 г. председатель Совнаркома В.И. Ленин настаивал на том, что «мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственный, а государство, это — мы, как сказано выше. Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения; расширить право государства отменять «частные» договоры; применять не *corpus juris homani* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание...» [18, с. 396].

В день написания этого письма до сведения наркома юстиции Д.И. Курского были доведены предложения Ленина о том, что «НКЮст должен быть ударным органом для травли частной торговли. НКЮст должен ставить образцовые процессы и на этих процессах травить до конца, не ограничиваясь штрафами в сотни миллионов, брать до 90 % прибыли, а то и пустить по миру, чтобы до смерти помнили. Ловить, выслеживать, устраивать западни и ловушки» [11, с. 36].

Даже создатель меновой теории права, в значительной мере отражавшей рыночную форму экономических отношений периода нэпа, заместитель наркома юстиции СССР Е.Б. Пашуканис (1891–1937) утверждал, что «пролетарское государство допускает частную собственность и частный оборот, но с исключительной целью развития производительных сил. Это не что иное, как попытка перевести на язык юридических определений ту мысль, которая лежала в основе новой экономической политики» [19, с. 184–185]. В отличие от него, высланный из страны в административном порядке известный российский ученый, профессор Петербургского сельскохозяйственного института (1907–1922) Б.Д. Бруцкус отмечал, что в конце 1923 г., в разгар нэпа частное предпринимательство осталось без правовой защиты [20].

Видный деятель Всероссийского комитета помощи голодающим Н.М. Кишкин приступил к разработке схемы «российской конституции», которая должна выражать интересы всего населения и которую должны ввести в действие сами Советы [21].

Обсуждение и заключение. Различные аспекты эволюции государственно-правовых основ советского аграрного строя 20-х годов XX века активно обсуждались учеными (С.Н. Захарцев, И.А. Шаповалов, А.П. Угроватов, А.Б. Таранин, П.И. Стучка и др.) [2, 7, 19]. Так, была обоснована точка зрения о том, что нэп был движением страны по социал-демократическим ориентирам. В 20-е годы XX века начинают утверждаться правовые начала, законность и демократия [22]. На наш взгляд, подобные выводы нуждаются в уточняющих формулировках. В частности, Указом Президента РФ от 18 июня 1996 г. «О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов» (п.п. 1–3) осуждены политические репрессии в отношении крестьян – участников восстаний 1918–1922 гг. Подобные репрессии признаны нарушением основных прав человека и гражданина. Установлено, что эти крестьяне не могут быть признаны участниками бандформирований в трактовке пункта «в» статьи 4 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»⁵.

Заместитель председателя Совнаркома и СТО Л.Б. Каменев в январе 1924 г. был особо озабочен возможными требованиями демократизации именно со стороны большинства населения — крестьянства: «А разве крестьянское море не может сказать нам: дайте демократию. Поэтому я не желаю сие припечатывать» [11, с. 134].

³ Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых законами и защищаемых судами РСФСР. Декрет ВЦИК от 22.05.1922. СУ РСФСР. 1922;36:423.

⁴ Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. СУ РСФСР. 1922;71:904.

⁵ О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов. Указ Президента РФ от 18.06.1996. СЗ РФ. 1996;26:3059.

Согласно М.А. Рейснеру, нэп способствовал замедлению развития пролетарского революционного движения, поскольку пролетариату пришлось перейти к более длительной борьбе с буржуазией непосредственно на экономическом фронте [23]. Утверждалось, что «понять право можно, лишь исходя из изучения того классового общества, формой отношений которого является та или иная система права» [24, с. 14]. Как справедливо заключил Г.В. Мальцев, революционные деятели той эпохи не считали возможным тратить время на строительство государства и правовой системы России потому, что в основании нового строя праву места не было [18].

При всем этом специалисты, непосредственно вовлеченные в реализацию политики нэпа, не разделяли подобного нигилистического отношения к праву и правовым гарантиям экономической деятельности на селе. Например, один из лидеров организационно-производственной школы в экономической науке Н.Д. Кондратьев утверждал, что «мало предоставить хозяину свободу деятельности, необходимо создать твердую и ясную правовую гарантию его сельскохозяйственной инициативы» [25, с. 131].

В середине 1920-х гг. советское партийно-государственное руководство провозгласило возможность развития не только коллективных, но и индивидуальных крестьянских хозяйств. В случае, если эти последние представляли собой «передовые», «культурные» хозяйства, стремившиеся к рациональной организации производственного процесса под руководством агрономов и учреждений, они могли рассчитывать на поддержку и поощрение властей [8]. В определенной мере эти «передовые крестьяне» («крестьяне-культурники») некоторое время рассматривались представителями советской власти в качестве возможного дополнительного варианта развития и модернизации советской деревни наряду с колхозами.

На различных партийных и советских форумах, — съездах компартии и Советов, пленумах ЦК партии, правительственных совещаниях, — постоянно звучали программные заявления о безальтернативности кооперации и колхозного движения. Иногда в источниках встречаются и такие выражения, как «колхозовское движение», «коллективистическое движение» [5, с. 114].

III Съезд Советов Союза ССР (май 1925 г.) констатировал, что добровольные кооперативные объединения крестьян-производителей являются наиболее мощным и самым правильным способом поднятия крестьянского хозяйства и что только путем подобного кооперативного объединения мелкое крестьянское хозяйство может избежать закабаления его капиталом и принять активное участие в социалистическом строительстве.

В документах IV Съезда Советов Союза ССР (апрель 1927 г.) указывалось, что по-прежнему в центре внимания всех центральных и низовых органов должно стоять кооперирование крестьянского хозяйства. Развитие сельскохозяйственной кооперации должно обеспечить развитие производительных сил сельского хозяйства в социалистических, а не в капиталистических формах.

Партийные и советские органы РСФСР и СССР предпринимали активные меры для вовлечения крестьянско-казацкого населения в коллективные хозяйства [5]. Колхозам выделялись денежные кредиты и предоставлялись налоговые и иные льготы, чтобы поставить их в лучшие условия в сравнении с единоличными хозяйствами и тем самым заинтересовать крестьян к вступлению в те или иные формы сельскохозяйственных коллективов. Кредитование коллективных хозяйств проводилось под пониженный процент по сравнению с единоличниками. Колхозы облагались налогами (единым сельскохозяйственным налогом, ЕСХН) по сниженным ставкам по сравнению с индивидуальными хозяйствами крестьян. Землеустройство обходилось коллективным хозяйством бесплатно, соответствующие расходы брало на себя государство, проводилось оно вне очереди. Кроме того, колхозы пользовались «преимуществами в отношении качеств и расположении предоставляемых ими земель (право на лучшие и более удобно расположенные земли)» [6, с. 348–349].

Деревня постепенно привыкала к коллективным формам хозяйствования на земле, а некоторая часть крестьянства выражала заинтересованность во вступлении в те или иные коллективы, видя их преимущества перед единоличниками. Сложившуюся ситуацию достаточно точно отражают констатации Съезда колхозов Майкопского округа Северо-Кавказского края в июне 1925 г. о том, что «отношение населения к колхозам резко изменилось к лучшему ... наблюдается интерес населения к колхозам и их внутренней жизни и, главное, к результатам их труда, т. к. для всего окружающего населения очевидно, что хозяйство в колхозах ведётся более интенсивно и рентабельно, чем в индивидуальных хозяйствах» [5, с. 116].

Все это проявилось в росте численности коллективных хозяйств. Если в 1922 г. в СССР насчитывалось 14039 различных колхозов (коммун, артелей, ТОЗов), то в 1923 г. — 15951, в 1924 г. — 16277, в 1925 г. — уже 21923» [6, с. 329]. То есть, менее чем за четыре года численность коллективных хозяйств в Советском Союзе выросла больше, чем на одну треть.

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. колхозная система не только продолжила существование, но и в результате упорных и последовательных попыток советских властных органов проявить к ней симпатии крестьянства расширила свои количественные параметры. Развитие правовых основ российской колхозно-совхозной системы в период нэпа продолжилось.

Список литературы

1. Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905-1930 гг. *Социс*. 2002;1. URL: https://www.isras.ru/socis_2002_1.html (дата обращения: 24.01.2024).
2. Рейснер М.А. *Государство буржуазии и РСФСР*. Москва: Гос. изд-во; 1923. 419 с.
3. Исаев И.А. *История государства и права России*. Москва: Юрист; 2004. 797 с.
4. Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.И. Курскому 20 февраля 1922 г. В кн.: *Полное собрание сочинений. Издание 5. Том 44. Июнь 1921 – март 1922*. Москва: Политиздат; 1975. С. 396–400.
5. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. *Становление государственно-правовых основ советского аграрного строя*. Напалкова И.Г., Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. (ред.). Москва: Юрлитинформ; 2020. 384 с.
6. Евтихийев И.И. *Земельное право*. Москва – Ленинград: Гос. сел.-хоз. изд-во «Новая деревня»; 1929. 437 с.
7. Вылцан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А. *Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения*. Краткий очерк истории. Москва: Колос; 1982. 399 с.
8. Данилов В.П. *История крестьянства России в XX веке*. Избранные труды. В 2-х ч. Ч. 2. Вылцан М.А., Данилова Л.В., Данилова Е.В. (сост.). Москва: РОССПЭН; 2011. 831 с.
9. Чистяков О.И. *Избранные труды*. Москва: Норма; 2008. 416 с.
10. Природоресурсное и природоохранное законодательство РСФСР. В: *Памятники российского права*. В 35 т. Т. 25. Боголюбов С.А., Хачатуров Р.Л. (общ. ред.). Москва: Юрлитинформ; 2016. 446 с.
11. Гимпельсон Е.Г. *НЭП и советская политическая система*. Москва: Ин-т рос. истории РАН; 2000. 437 с.
12. Кондрашин В.В. *Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.* Москва: Янус-К.; 2001. 542 с.
13. Черногор Н.И., Пашенцев Д.А. Октябрьская революция и эволюция российского права. *Журнал российского права*. 2017;(10(250)):5–13. https://doi.org/10.12737/article_59c4cb55295b01.61454320
14. *Десятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23-27 декабря 1922 года)*: Стенографический отчет с приложениями. Москва: ВЦИК; 1923. 226 с.
15. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. *Конституционное право России*: учебник. Москва: Юристъ; 2008. 585 с.
16. Краснов Ю.К. *Государственное право России. История и современность*. Москва: Юристъ; 2002. 733 с.
17. Ленин В.И. Г.И. Мясникову. 5 августа 1921 г. В кн.: *Полное собрание сочинений. Издание 5. Том 44. Июнь 1921 – март 1922*. Москва: Политиздат; 1970. С. 78–83.
18. Мальцев Г.В. *Понимание права: Подходы и проблемы*. Москва: Прометей; 1999. 419 с.
19. Пашуканис Е.Б. *Избранные произведения по общей теории права и государства*. Москва: Наука; 1980. 270 с.
20. Бруцкус Б.Д. О новой экономической политике. ЭКО. 1989;(10):84–93.
21. *Россия. XX век. Всероссийский комитет помощи голодающим*. Документы. Тополянский В.Д. (сост.). Москва: МФД; 2014. 667 с.
22. *Теория государства и права*. Корельский В.М., Первалов В.Д. (ред.). Москва: Норма; 2002. 616 с.
23. Рейснер М.А. *Право: Наше право. Чужое право. Общее право*. Ленинград – Москва: Гос. изд-во; 1925. 276 с.
24. *Энциклопедия государства и права*. Т. 2. Стучка П.И. (ред.). Москва: Изд-во Коммунистической Академии; 1925–1927. 1456 стлб.
25. Голанд Ю. Политика и экономика: Очерки общественной борьбы 20-х годов. *Знамя*. 1990;(3):116–153.

References

1. Shanin T. Socio-Economic Mobility and History of Rural Russia 1905-1930. *Socis*. 2002;1. URL: https://www.isras.ru/socis_2002_1.html (accessed: 24.01.2024). (In Russ.).
2. Reisner MA. *The Bourgeois State and the RSFSR*. Moscow: State Publishing House; 1923. 419 p. (In Russ.).
3. Isaev IA. *History of the Russian State and Law*. Moscow: Yurist; 2004. 797 p. (In Russ.).
4. Lenin VI. On the Objectives of the People's Commissariat of Justice in the Context of the New Economic Policy. Letter to D.I. Kursky of February 20, 1922. In book: *The Complete Works. Edition 5. Volume 44. June 1921 – March 1922*. Moscow: Politizdat; 1975. P. 396–400. (In Russ.).
5. Berlyavsky LG, Bondarev V.A. *The Formation of the State-Legal Foundations of the Soviet Agrarian System*. Napalkova IG, Berlyavsky LG, Bondarev VA (eds.). Moscow: Yurлитinform; 2020. 384 p. (In Russ.).
6. Evtikhiev II. *Land Law*. Moscow – Leningrad: State Agricultural Publishing House “Novaya derevnya”; 1929. 437 p. (In Russ.).
7. Vyltsan MA, Danilov VP, Kabanov VV, Moshkov YuA. *Collectivization of Agriculture in the USSR: Ways, Forms, Achievements*. A Brief Essay. Moscow: Kolos; 1982. 399 p. (In Russ.).
8. Danilov VP. *The History of the Peasantry of Russia in the XX Century*. Selected Works. In 2 Parts. Part 2. Vyltsan MA, Danilova LV, Danilova EV (eds.). Moscow: ROSSPEHN; 2011. 831 p. (In Russ.).

9. Chistyakov OI. *Selected Works*. Moscow: Norma; 2008. 416 p. (In Russ.).
10. Natural Resource and Environmental Legislation of the RSFSR. In: *Monuments of the Russian Law. In 35 Vols. Vol 25*. Bogolyubov SA, Khachaturov RL (eds.). Moscow: Yurlitinform; 2016. 446 p. (In Russ.).
11. Gimpelson EG. *NEP and the Soviet Political System*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 2000. 437 p. (In Russ.).
12. Kondrashin VV. *The Peasant Movement in the Volga Region in 1918-1922*. Moscow: Yanus-K.; 2001. 542 p. (In Russ.).
13. Chernogor NI, Pashentsev DA. The October Revolution and the Evolution of Russian Law. *Journal of Russian Law*. 2017;(10(250)):5–13. https://doi.org/10.12737/article_59c4cb55295b01.61454320 (In Russ.).
14. *The Tenth All-Russian Congress of Soviets of Workers', Peasants', Red Army's and Cossacks' Deputies (December 23-27, 1922)*: Verbatim Records with Appendices. Moscow: VTSIK; 1923. 226 p. (In Russ.).
15. Kozlova EI, Kutafin OE. *Constitutional Law of Russia: Coursebook*. Moscow: Yurist; 2008. 585 p. (In Russ.).
16. Krasnov YuK. *State Law of Russia. History and Modernity*. Moscow: Yurist; 2002. 733 p. (In Russ.).
17. Lenin VI. To G.I. Myasnikov. August 5, 1921 In book: *The Complete Works. Edition 5. Volume 44. June 1921 – March 1922*. Moscow: Politizdat; 1970. P. 78–83. (In Russ.).
18. Maltsev GV. *Understanding Law: Approaches and Problems*. Moscow: Prometei; 1999. 419 p. (In Russ.).
19. Pashukanis EB. *Selected Works on the General Theory of Law and the State*. Moscow: Nauka; 1980. 270 p. (In Russ.).
20. Brutskus BD. *On the New Economic Policy*. ECO. 1989;(10):84–93. (In Russ.).
21. *Russia. XX century. All-Russian Famine Relief Committee*. Documents. Topolyanskii VD (ed.). Moscow: MFD; 2014. 667 p. (In Russ.).
22. *Theory of State and Law*. Korelskii VM, Perevalov VD (eds.). Moscow: Norma; 2002. 616 p. (In Russ.).
23. Reisner MA. *Law: Our Law. Other People's Law. Common Law*. Leningrad – Moscow: State Publishing House; 1925. 276 p. (In Russ.).
24. *Encyclopedia of State and Law. Vol. 2*. Stuchka PI (ed.). Moscow: Publishing House of the Communist Academy; 1925–1927. 1456 column. (In Russ.).
25. Goland Yu. Politics and Economics: Essays on the Social Struggle of the 20s. *Znamya*. 1990;(3):116–153. (In Russ.).

Об авторе:

Леонид Гарриевич Берлявский, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), [ORCID, berlg@yandex.ru](https://orcid.org/berlg@yandex.ru)

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 29.01.2024

Поступила после рецензирования 21.02.2024

Принята к публикации 27.02.2024

About the Author:

Leonid G. Berlyavsky, Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Rostov State University of Economics (RSUE) (69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, RF), [ORCID, berlg@yandex.ru](https://orcid.org/berlg@yandex.ru)

Conflict of interest statement: the author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Received 29.01.2024

Revised 21.02.2024

Accepted 27.02.2024